

СЕРГЕЙ ФОМИЧЁВ

НЕБЕСНЫЙ ПАСТУХ

Сергей Анатольевич Фомичёв

Небесный пастух (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22184069

Небесный пастух: ПЕРО; Москва; 2016

ISBN 978-5-906883-81-0

Аннотация

В данном сборнике представлена избранная лирика и два рассказа современного русского автора.

Содержание

Лирика	6
«Писать стихи, что раздувать мехи...»	7
«Я жду озаренья, как тихого ветра...»	8
«В том саду одинокая птица...»	10
Молитва	13
Небесный пастух	15
Бахта[1]	17
Мысли философа	19
Белый снег	21
«Лунный парус во мраке ночи...»	24
«Со мной кочует бюст – нетленный и глубокий...»	26
«Вечер быстро, незаметно...»	30
«Я задыхаюсь без любви...»	32
«По параболе лечу, по параболе...»	34
«Я не тот человек, что Ты знаешь...»	37
Гречанка	39
Весна	42
Разлука	43
Генуэзская крепость	46
«Где-то бьётся море в Тель-Авиве...»	48
«Меня терзает пустота в голове...»	50
«Дышу Тобой – не надышусь...»	53

Карадаг	56
«Там над морем пылала...»	59
«Что было, то было...»	61
«Молчу, не выразить словами...»	62
«Чистый воздух Абиссинии...»	65
«На листочках капельки дождя...»	67
«Дети, шахматы и талая вода...»	68
«Метутся народы, гудят во все трубы...»	69
«Затуманился рыжий закат...»	71
Письмо рязанскому другу	73
«Вот утро. Ярославль. Мороз скрипучий...»	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сергей Фомичёв

Небесный пастух

© Фомичёв С. А., 2016

Лирика

1980–2016

Поэзия обладает одним удивительным свойством. Она возвращает слову его первоначальную, девственную свежесть. Самые стертые, до конца «выговоренные» нами слова, начисто потерявшие для нас свои образные качества, живущие только как словесная скорлупа, в поэзии начинают сверкать, звенеть, благоухать!
Константин Паустовский

Когда-то считали, что только сахарный тростник дает сахар, а теперь его добывают почти отовсюду. То же самое и с поэзией: будем извлекать ее откуда бы то ни было, ибо она во всем и везде. Нет атома материи, который не содержал бы поэзии.
Гюстав Флобер

«Писать стихи, что раздувать мехи...»

Писать стихи, что раздувать мехи.
Гореть без устали и пламенеть
В потоках воздуха и силы.
В сомненьях умирать, но всё же петь,
Как Ты просила.

4 января 2011 г.

«Я жду озаренья, как тихого ветра...»

Я жду озаренья, как тихого ветра,
Как тихого ветра в прожжённой пустыне.
Здесь звёзды уснули в седой паутине,
Здесь всюду война на тысячи метров.

И небо открылось лишь там, где возможно.
Того и гляди, упадёт в одночасье.
Здесь всё изменилось в понятии счастья,
И смерть подступает совсем осторожно.

И нет уж безумных пророков в отчизне,
Остались лишь вороны, лебеди-птицы.
Я жду озаренья, мне чудится, мнится
Глас трубный, идущий из будущей жизни.

29 мая 1995 г.

«В том саду одинокая птица...»

В том саду одинокая птица
Надрывается в тишине.
То ли радуется, то ли злится,
Изнутри раня сердце мне.

В том саду как-то всё иначе,
Полыхает сиреневый цвет.
В том саду обветшавшая дача,
И хозяина будто нет.

Смотрит ель в голубое небо,
А по небу плывёт самолёт.
В те края, где я ещё не был
И уж точно никто не ждёт.

А на юге, за полем изрытым,
Золотятся в листве купола.
Там священник читает молитвы —
Седовласая голова.

И всё так же меняются лица,
Появляясь случайно извне.
Но лишь та одинокая птица
Растревожила душу мне.

1998 z.

Молитва

В моей убогой кельи свет горит,
Лампада теплится пред образом Царицы.
Среди пространств и звёзд Земля летит,
И хочется без устали молиться.

Так сердце чувствует движенье ветерка,
Оно не мнимой тишиной объято,
И жизнь та, что казалась так горька,
Теперь, в эти минуты, свята.

И я молюсь за чад и за страну,
За плавающих где-то там далече.
За мирный хлеб, за неба тишину.
За тех, кто ощущает вечность.

Ах, Матерь Божия, не нужно лишних слов.
Глаза блестят слезинками бессонно,
Летит Земля среди других миров,
Звенит комар над ухом монотонно.

21 апреля 2011 г.

Небесный пастух

Небесный пастух – моё призвание,
Быть перед небом, смотреть в пространство.
Отчего-то хотеть спать, но всё же видеть
Причудливые формы, облаков убранство.

И радость переполняет сердце,
Когда плывут они, не зная горя,
Над лесами, полями, весями, городами,
Разыгрывая спектакль, приветствуя Чёрное море.

Приветствуя Персию и Кавказа вершины,
Углубляясь в страну диких племён когда-то,
Проходя над пустынями Китая к Тихому океану,
Становясь белоснежной ватой.

Стада облаков не знают дома,
За ними устанешь гоняться – нет мочи,
Небесный пастух – моё призвание,
И нет других пока полномочий.

29 августа 2015 г.

Бахта¹

Ещё чуть-чуть – и двинется река,
Ломая кромку льда в прибрежных зонах,
Вздымая глыб немыслимые тонны,
Наращивая гул издалека.

Ещё чуть-чуть – и солнечный поток
Наполнит радостью и ликованием сердце,
И Енисей – на карте тоненький шнурок —
Откроет ледяные дверцы.

И зашуршит великий караван
Блестящих льдин, обглоданных водою.
И горизонт туманом будет сдан
Прильнувшим небесам без боя.

Я всматриваюсь в жизнь простых людей
По интернету, сидя в тёплом месте.
И не могу понять, как без затей
Они живут, с природой слившись вместе.

Бахтинец знает точно, с каждым днём
Смотря на Енисей, впиваясь в небо,
Что там в Кремле не думают о нём,

¹ Бахта – село в Красноярском крае, в 1400 км по Енисею от Красноярска.

Что нет ему ни зрелища, ни хлеба.

Тайга кругом, кругом одна тайга.
Медведи, лоси, соболь на прицеле.
Настанет день, навьюжатся снега,
Охоту с промыслом доказывать на деле.

И вот оставит всех на много дней
Седой охотник – невесёлый малый.
И будет думать по ночам о ней,
Пропахнув мхом в избушке одичалой.

И будет слышать в небе благовест,
Что оседает на еловых лапах,
Что он один хранитель этих мест
И верный страж на пару с косолапым.

А дома ждут жена и Енисей,
И в детских глазках – тоже ожиданье.
Охотник, словно сказочный Персей,
Вернётся, упразднив все расстоянья.

И будет смех, гостинцев полон дом,
Застолье песенное и веселье,
Ну, а когда всё спутается сном,
Уснёт Бахта в обнимку с Енисеем.

16 ноября 2015 г.

Мысли философа

Время – страшный враг,
Ничтожество перед вечностью,
Когда всё гниёт и вибрирует с точностью.
Но во всём красота,
Обезображенная греховностью.
Но во всём красота, требующая подвига.

Бег из рабства возможен только
Через мертвенный труп пустыни,
Когда чувствам закрыты двери,
Как бы змеи эти ни лезли,
Когда чувствам закрыты двери,
Открывается путь молитвы,
Та дорога, когда пред смертью
Тихо скажешь: «Пора домой».

24 января 2012 г.

Белый снег

Белый снег. Почему ты белый?
Сколько можно лежать под окном?
Гомонят воробьи оголтело,
Наполняя веселием дом.

Вдруг запахнет соломой, смолою,
Терпким дымом садовых костров.
И качнёт луна головою
Из каких-то дальних миров.

И пойдёт, пронесётся повсюду,
По оврагам и по полям,
Что закончились пересуды,
Что объявлен запрет белым дням.

И водой захлебнётся округа,
Застучит монотонно капель.
И притянется кто-то друг к другу,
И начнётся у них канитель.

Про любовь будут длинные песни,
И неважно, что в доме вверх дном.
Белый снег – надоел ты, хоть тресни,
Сколько можно лежать под окном?!

16 февраля 2012 г.

«Лунный парус во мраке ночи...»

Лунный парус во мраке ночи
Уплывает в звёздную муть.
Белой россыпью многоточий
Стороной лежит Млечный Путь.

Чуть прищуришься, ахнешь даже
От скопления чужих миров.
И уже ничего не скажешь —
Там на небе не нужно слов.

1992 г.

«Со мной кочует бюст – нетленный и глубокий...»

*М. Ю. Лермонтову
(1814–1841)*

Со мной кочует бюст – нетленный и глубокий.
Глаза задумчивы, отверсты, одиноки.
В усах отвага и широкий лоб —
Присутствие ума, в том нет сомнений.
Бюст Лермонтова – одинокий гений.
В конце – дуэль и сиротливый гроб.

Вот весь удел певца на ниве торной.
Он был огонь, что с неба, непокорный,
С особой дерзостью в груди таился нрав.
Пред всеми не расшаркивался льстиво,
В бою с чеченами сражался терпеливо,
Достоинство и честь не потеряв.

Ну что ж, всё по порядку – сердце просит.
В Шотландии далёкой ветры носят
Средневековый запах скисших лет,
Когда Томас Лермонт творил знаменья,
Хватаясь за мистическое тленье,
Угрюмый предок, и к тому ж поэт.

В Россию корни проросли пророка,
В России всё под спудом спит до срока.
Вдоль Мойки Пушкин катит на дуэль.
Жена его слепа, царь смотрит в окна —
Заиндевели от мороза стёкла,
Там в хлопьях тьма и страшная метель.

Погиб поэт, кто ж смерть его рассудит?
Мужик в деревне прост и не осудит
Ни высший свет, ни происки врагов.
Кто поумней – кидались в осужденья,
Прочитывая вслух стихотворенья,
Защекотавшие устои берегов.

Кавказ вдали – немые цепи гор,
Свободный воздух и души простор.
Полёт орла высок и незаметен.
Он смотрит вниз без посторонних глаз,
Вершины гор сияют, как алмаз,
Не замечая ход седых столетий.

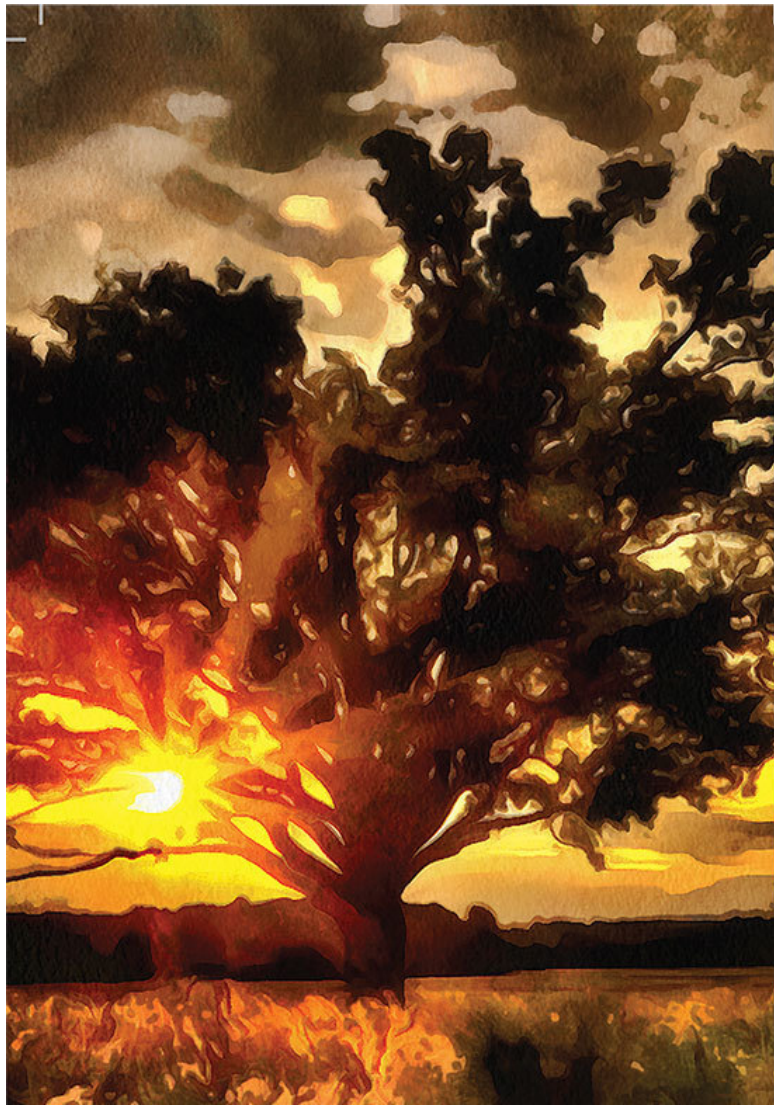
Здесь пахнет вечностью, пронизан небосвод
Лучами солнца, вниз потоки вод
Летят вдоль скал, стоящих у стремнины.
Внизу туман, чуть дальше вьётся дым,
Разбросаны дома, где мчится к ним
Седой чечен, в тени наполовину.

Мартынов только повод, тяжкий сон,
Когда душа скорбит, со всех сторон
Её злой дух и мучит, и тревожит.
Когда становится язвительным язык,
И дни мучительно бегут на черновик,
И мысль одна другую не стреножит.

Убит спокойно, и не на войне,
Где много раз на боевом коне
Бросался на редуты грозной тучей.
Где шла резня, стреляли тут и там,
Стонали люди, воздух по полям,
А он казался сильным и могучим.

Теперь тщедушный, в тоненьком гробу,
Как фаталист, что испытал судьбу, —
Умолк и, выйдя тихо на дорогу,
О чём просил за год пред этим днём,
Всё получил, как некий ход конём.
Бог терпелив, нет тайн для Бога.

31 января 2016 г.

«Вечер быстро, незаметно...»

М. У.

Вечер быстро, незаметно
Подошёл к моей калитке.
От дождя укрывшись тайно
Серой тоненькой накидкой.

Ветер буйствовал листвою,
Уносясь в пустые гроты,
Завывал на косогоре,
Песнь раскладывая в ноты.

Дуб, раскинув руки кверху,
Основательно качался,
И куда-то вдоль дороги
Лист осенний мчался, мчался.

А потом всё разом стихло,
Только ночь, травой играя,
Проходила мимо окон,
Ничего не замечая.

20 апреля 2007 г.

«Я задыхаюсь без любви...»

Я задыхаюсь без любви
В пустыне под палящим зноем.
Я задыхаюсь без любви —
Последний воин перед боем.

И что сулит мне завтра день?
Тревог наполненная пристань.
Вдоль трасс – убогость деревень,
И голубь белый – в небе чистом.

Я задыхаюсь, я пропал
Без ласк, без твоего участия.
И где тот горный перевал,
Чтоб можно переждать ненастье?

Где тот глоток живой воды?
Сухие губы жаждут влаги.
Я задыхаюсь без любви,
Лишь проливаясь на бумаге.

31 мая 2015 г.

«По параболе лечу, по параболе...»

*А. А. Вознесенскому
(1933–2010)*

По параболе лечу, по параболе,
Шлю столицам привет деревенский,
Вот и выпало петь нам в эфире,
Дорогой мой Андрей Вознесенский.

Уберём траекторию и манерность,
Ваших слов бриллианты – по ветру вей.
Ярким пламенем в зрачках разгорается верность,
Одуревши поёт переделкинский соловей.

Вы в пути уже долгом и длинном,
«Обилечены», чтоб сесть в пятом ряду.
Мир закручивается в паутину,
И идёт за редутом редут.

Гойя, Мэрилин – старушка история
Разворачивает свой широченный зад,
Вы не лезли в дороги проторенные —
Шли своей, по жнивью, наугад.

Обезумевший век – много паники,
Схватка мертвенных сил в пустоте.

Очервонились, вспухли лобазники,
Были мальчиками – стали не те.

Женщин бьют, с ними пьют одинаково.
Они тоже готовы на раз
От бессилия в морду по-всякому,
Острой туфелькой промеж глаз.

Отзывались в Вас всякие странности,
Видиомы как антимирры.
Это детские, милые шалости,
Чтоб не браться за топоры.

Ваш пиджак замусолен, поношенный,
Как заплатка в прорехах систем,
Вы болтались в стране словно брошенный,
Проливаясь строками поэм.

Это кризис, почти деградация,
Только шёпот – язык пересох.
Как винила ночная вибрация
С петухами до четырёх.

Зоя, Оза – навеки помолвлены,
Током бьющие провода.
Мы истрёпаны, но не сломлены,
Мы повязаны навсегда.

Что ж, парите в немом пространстве,

На просторах московских и венских,
Вас не выкинешь из истории: Вы – данность,
Дорогой мой Андрей Вознесенский.

1 сентября 2015 г.

«Я не тот человек, что Ты знаешь...»

Я не тот человек, что Ты знаешь.
Сколько раз открывался Тебе.
Думал, с временем распознаешь.
Но, увы. Ты в другой судьбе.

В общем, что говорить мне с Тобою,
Ты, я вижу, ушла далеко.
Перестала дружить с головою,
Хотя держишь её высоко.

В эти дни убедился твёрдо,
Лучше нет, чем мои друзья.
Страшно быть одинокой и гордой.
Не с Тобой – с ними буду я.

1986 г.

Гречанка

Сядь, скажи мне что-то на прощанье,
Дай мне руку – высмотреть изгибы,
По Твоей руке читать могли бы
Греческие завещанья.

Ты сегодня выглядишь иначе,
Смуглость кожи, нос чуть-чуть горбинкой,
Дай мне поцелуями на сдачу,
Я их прочитаю без запинки.

В Твоих венах кровь богов Олимпа
И загадочность восточной речи,
Где начала женские, там нимфы
Обвивают волосами плечи.

Силуэт Твой тонок и прозрачен
В очертаньях солнечного круга,
И мне кажется, что я захвачен
В Твои сети, и в том нет испуга.

Не смотри так жадно на дорогу.
Я уйду один без проволочек.
Мы в России так же славим Бога,
Приезжай хотя бы на денёчек.

22 августа 2015 г.

Весна

Весна. Пахнуло сыростью и свежими струями.
Размокло всё, запенился простор.
Смотрело небо беспробудными полями
По-детски на меня в упор.

Быстрей, быстрей беги, ручей, меняя русло,
Вдоль непролазных, неразъезженных дорог,
Неси и лей своё коричневое сусло,
Закручивая в водяной поток.

Мальчишка белобрысый, разгоняя лужи,
В сырых штанах пускал кораблик свой.
И шурился среди теней и светлых кружев,
Жил детством вместе с талою водой.

Грачи сидели на ветвях, срывая глотки.
А там внизу, утюжа всё вокруг,
Шёл ледоход, и льдины, словно лодки,
Устраивали свой казачий круг.

1 марта 2013 г.

Разлука

У солнца много сил,
Чтоб жечь напропалую.
Лишь к вечеру идти
На огненный закат.
Дорожкой пламенеть, и
Воздух в поцелуях
От лёгкого вина
Насыщен и богат.

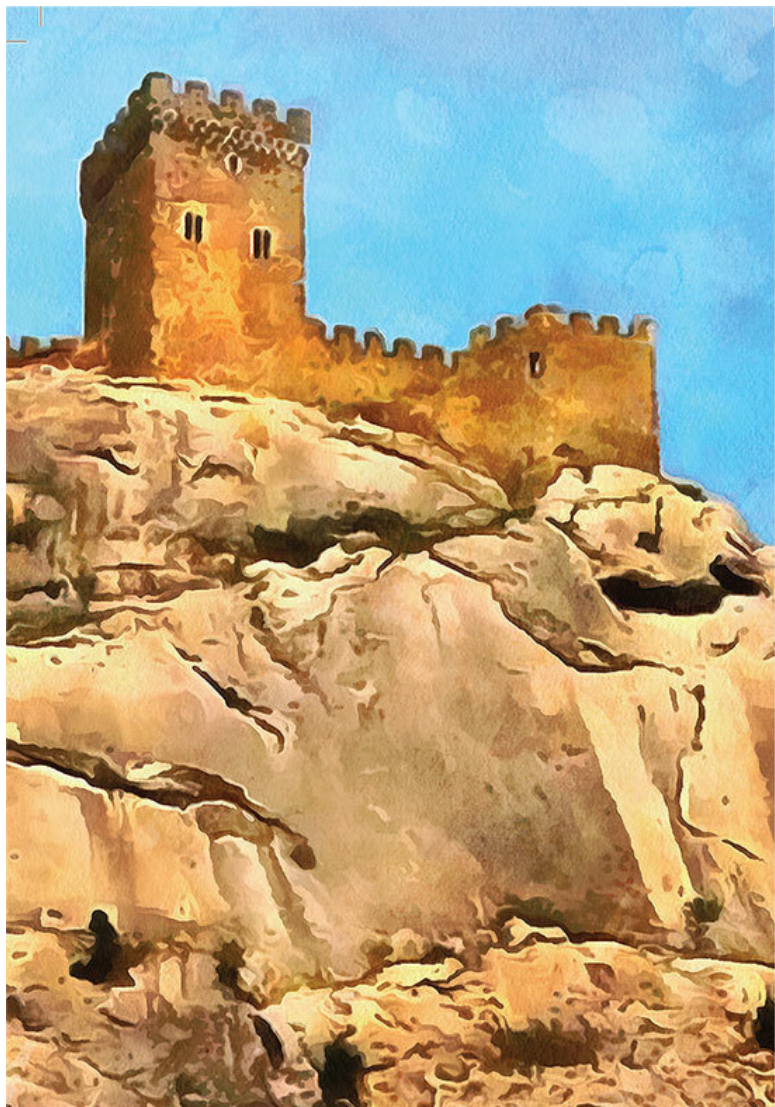
Какие песни петь о
Греческих началах?
Всё потонуло там
Столетия назад.
Теперь другая жизнь,
И всё на тех причалах
Другие племена
Рожают и галдят.

Дорога вьётся вдаль,
Вдоль бухт по серпантину,
Вдоль черепичных крыш,
Что смотрят вверх и вниз.
В долинах вьётся сон,
Плانتации маслины
В серебряных руках

Зажали кипарис.

Твой самолёт ушёл,
Став точкой на экране.
Оставив в сердце грусть
И черноту волос.
Я ж всё Тебя ищу
Среди чужих компаний,
И снова, как тогда,
Дождь не жалеет слёз.

14 августа 2015 г.

Генуэзская крепость

На гребнях волн вечерний тает свет
Забывчиво и нежно.
Брожу вдоль берега, сажусь на парапет
С одной надеждой.

Увидеть там вдали, в белёсой мгле,
Дельфинов спины,
Скелеты мачт на дальнем корабле,
Блеск морской тины.

Истрёпанные ветром паруса
От долгих странствий.
И еле слышные, тупые голоса
В немом пространстве.

А за спиной цепочкой старых стен —
Одна нелепость.
Свидетель давних грозных перемен —
Седая крепость.

Полуразрушенный, пустой, немытый храм,
Сквозные окна.
Икона, треснувшая пополам,
Внутри поблёкла.

В вечерних сумерках вид у неё
Бывает страшен,
Руками тянутся в небытие
Все восемь башен.

Волна с волною спорят, как тогда,
Бросая глянecь,
Когда пришёл на эти берега
Вор-итальянец.

Я ухожу, пустеет парапет,
Свежо и поздно.
А крепость смотрит дырами мне вслед —
Свидетель грозный.

23 августа 1996 г.

«Где-то бьётся море в Тель-Авиве...»

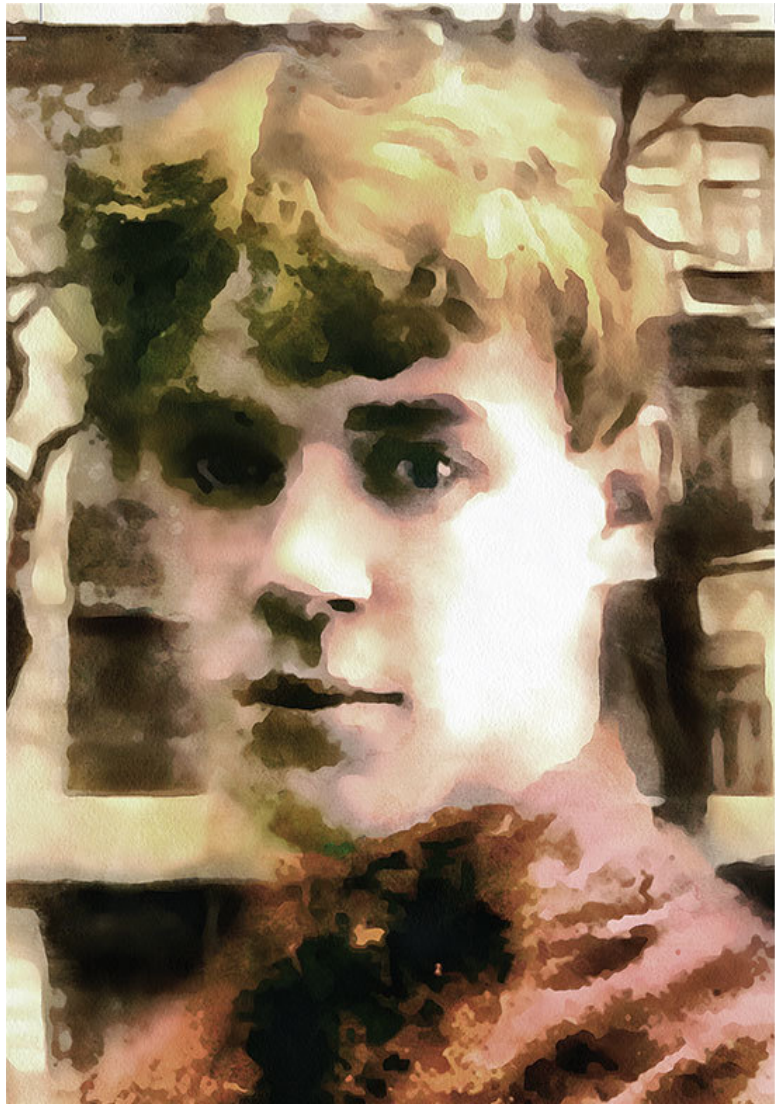
Где-то бьётся море в Тель-Авиве.
Старый город Яффа на пути.
Молока и мёда в изобилии,
Вот бы только мимо не пройти.

Симон-Пётр на крыше молит Бога,
Голодом и жаждою томим,
А внизу, у самого порога,
Спорят люди, что пришли за ним.

Старый порт – ровесник Соломона —
Волнами изгрызан неспроста,
С этих мест от гнева божьего Иона
Убегал во чрево грозного кита.

Я брожу, вдыхая пыль столетий,
Узнавая прошлого черты.
Этих дней неведомый свидетель
И участник вечной суеты.

Январь 2014 г.

«Меня терзает пустота в голове...»

С. А. Есенину
(1895–1925)

Меня терзает пустота в голове.
Писать стихи кровью. Где это было?
И странно: каких-то чернил не хватило
Где-то там, в городе на Неве.

Ты был точно загнанный зверь.
Палачи не плачут и не играют чисто.
Что ж, становится ясно теперь:
Инсценировка самоубийства.

Все поверили в дикий обман:
Мол, у пьяниц случается нечто.
Так украли у россиян
Голос, рвущийся в вечность.

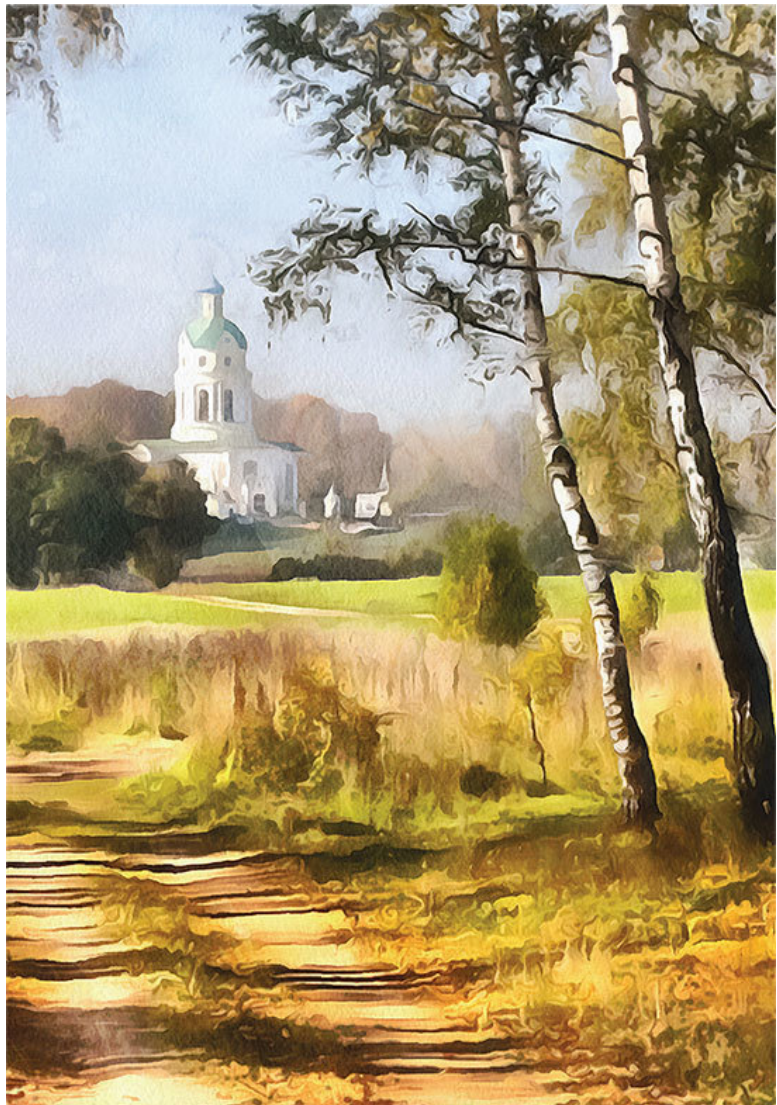
В «Англетере» последняя ночь,
Всё темно и синё за окном.
Страх пред будущим, а потом
Все сомнения канули прочь.

Айседора, Галина, к чему эта страсть —
Под берёзами плакать на целый день.

К их коленям как прежде уже не припасть
И не видеть просторы родных деревень.

Снова видится сон и мамина шаль,
Словно всадники встретились в нашем саду.
Там на ветках соловушка кличет беду,
Жизнь – мгновенье и вечная даль.

7 августа 2012 г.

«Дышу Тобой – не надышусь...»

Дышу Тобой – не надышусь,
Что сердцу трепетному больно.
Моя берёзовая Русь —
Деревни, реки, колокольни.

И всюду божья благодать
Разлита в сине-белом крае,
Так к горлу комом подступает
Любовь, которой не унять.

И, кто Тебя хотел пленить, —
Лежат в земле, их дом – могила.
Не в чём ином, как в правде, сила,
Пора бы это уловить.

Врагам Тебя не разгадать,
Их злые умыслы известны.
Руками голыми не взять —
Здесь русский дух во всём телесном.

Какая мощь, какая ширь.
Зимой снегами опоясана,
Глаза – озёра в небо ясное,
И куполами – монастырь.

Дышу Тобой, не надышусь,
Веками теплится лампада.
Другой мне родины не надо,
Я русский, в моём сердце Русь.

4 ноября 2005 г.

Карадаг

Упавший в море край потухшего вулкана —
Из бездны вырос хмурый исполин,
Увит плющом и лёгкостью тумана,
Шершавой шапкой сумрачных долин.

Потоки вод изгрызли странно тело,
Оставив гроты, пики, города,
Где мёртвых жителей бредущие стада
Застыли в камне над ущелием замшелым.

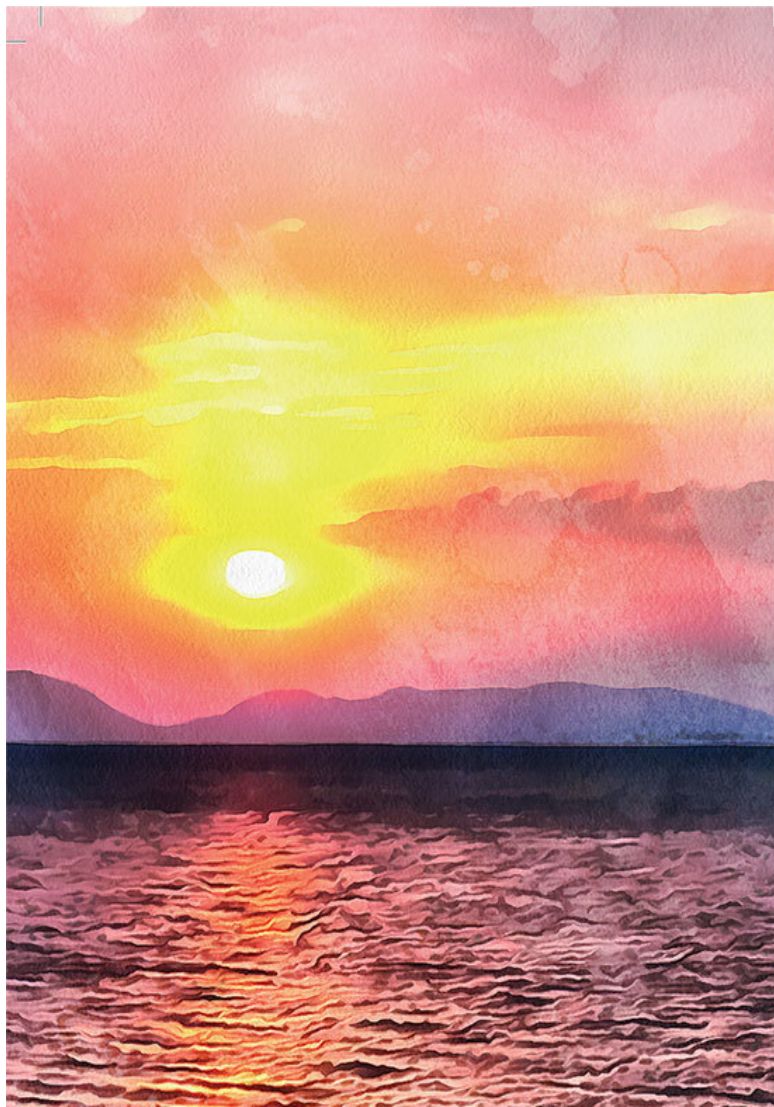
Гудит, слюнявится бездонный океан,
Пропавнув йодом, прячась в зазеркалье —
Свидетель многих древних вакханалий,
Бесплотный дух – языческий Баян.

Эмалью вымазаны лбы тупых камней,
Помётом птиц и дождевою влагой,
Когда висит плащом над Карадагом
Несметный строй причудливых теней.

Иван-разбойник в ризах оборванца
Остановился, вглядываясь ввысь,
Где тёмным телом грифеля и сланца
Седые горы в небо поднялись.

Так, отражаясь грозным исполином
В алмазных россыпях закрученной волны,
Застыла лава. Медленно в долинах
Плывут, как зной, Таврические сны.

Июль 1996 г.

«Там над морем пылала...»

Там над морем пылала
Золотая звезда,
Рябь воды отражала
Белый свет в никуда.

И чернели просторы
Киммерийской земли,
И как чьи-то укоры —
В полутьме корабли.

Запах горький полыни
Разливался и рос.
Вдруг над водной пустыней —
В два крыла альбатрос.

Промелькнул и свалился
В непроглядную муть.
Старый кедр приютился
У ручья отдохнуть.

А она всё дрожала
Там, в другой тишине,
И как будто узнала,
Что творится во мне.

2000 з.

«Что было, то было...»

Что было, то было.

Что будет, не знаю.

По звёздам, на гуще, руке – не гадаю.

Плыву по течению извилистых рек,

И, кажется, – это последний забег.

Стираю бельё, замаравшись однажды,

Иду по приборам, где ходит не каждый.

И падаю вновь, чтоб подняться с колен,

И жду изнутри впопыхах перемен.

27 июля 2015 г.

«Молчу, не выразить словами...»

Молчу, не выразить словами
Всю боль последних испытаний,
Восторг минутных состояний
И ощущение пустоты.

Ты знаешь, мне ещё казалось,
Что всё проходит, как усталость.
Но лишь любовь всего сильнее,
Что б ни примешивалось к ней.

Вот рядом ненависть и что же?
Быть может, надо ей – по роже,
Забыв про всякий ложный стыд
И понимание обид.

Молчу, вокруг проходят люди,
Им нет покоя, путь их труден.
Что ждёт их там в конце пути?
И от чего им не уйти?

Молчу, внимая звукам лиры.
Где вы, вчерашние кумиры?
Как ни лилась бы в мире кровь —
Он есть, покуда есть любовь.

Любви все возрасты покорны,
От самых белых и до чёрных.
И даже в жерновах войны
Мы в её сеть вовлечены.

2011 г.

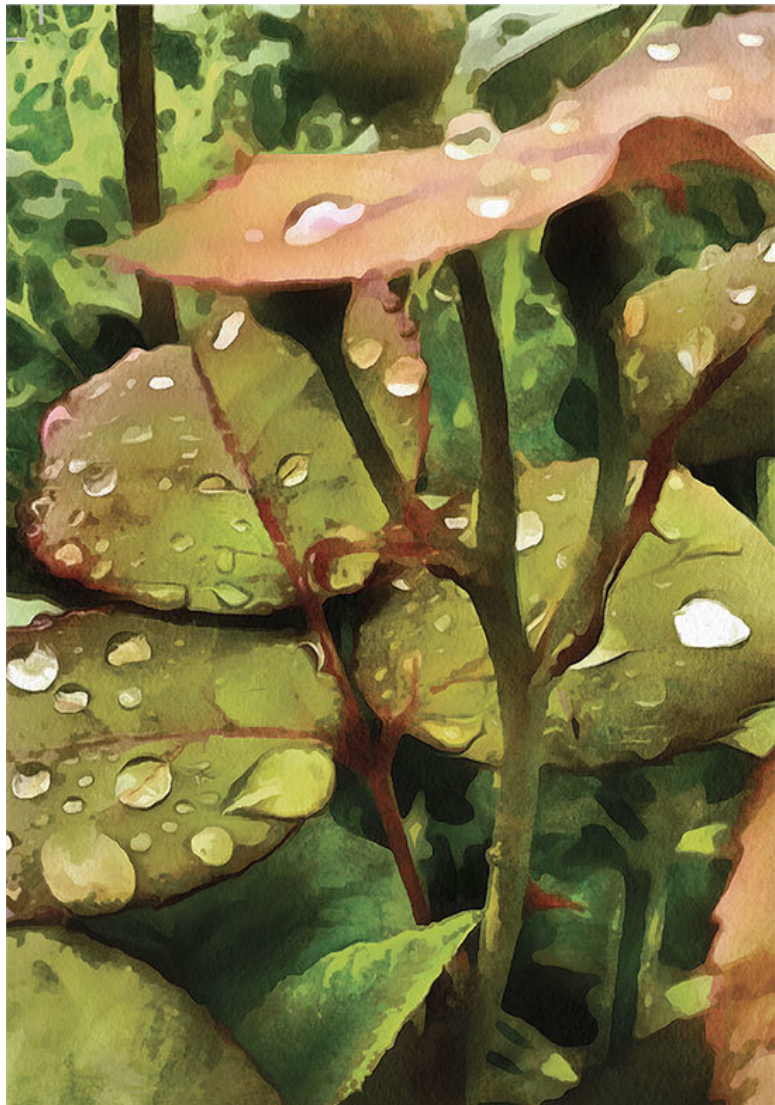

«Чистый воздух Абиссинии...»

Николаю Гумилёву
(1886–1921)

Чистый воздух Абиссинии.
Небеса прозрачно синие
И белёсая вода.
Кто тебя воззвал сюда?
Берега чужого края
Гумилёва Николая
Захватили навсегда.

2000 г.

«На листочках капельки дождя...»

На листочках капельки дождя
Драгоценным бисером играют.
Льётся свет, сквозь стёкла уходя,
Мой сосед их жизнь не замечает.

Всё стучит, строгают на ветру,
Упиваясь дачной круговертью,
Словно есть приказ – успеть к утру,
И остался день лишь перед смертью.

21 мая 2011 г.

«Дети, шахматы и талая вода...»

Дети, шахматы и талая вода.
В сумерках запутавшийся вечер.
Я так счастлив не был никогда.
Положи мне голову на плечи.

28 февраля 2013 г.

«Метутся народы, гудят во все трубы...»

Метутся народы, гудят во все трубы,
Шуршит при дороге ковыль.
Умчаться за грани материи грубой,
Что ветром гонимая пыль.

9 июля 2012 г.

«Затуманился рыжий закат...»

Затуманился рыжий закат,
Унеслись окаянные дни.
Отравили сознание они,
И теперь я сознанием богат.

Это дни развёрнутых побед
И насилия над собственным «Я».
Что ж выдумывать велосипед,
Ошибаться чего же для.

Я иду, вешним солнцем палим,
Завтра праздник и нет затей,
Вход Господень в Иерусалим,
И «Осанна», и радость детей.

И мне нравится, что вокруг
Гомон птиц, на дворе весна,
И деревья, словно испуг,
Встрепенулись от зимнего сна.

19 апреля 2008 г.

Письмо рязанскому другу

Привет.

*Судьба не благосклонна к нам,
Ты в дальней стороне
Который год хранишь молчанье,
Я ж здесь, на шумных площадях, пытаюсь жить,
Почти без воздуха,
в пыли страстей, в дурном изгнаны.*

*Пишу Тебе в надежде, что поймёшь
Мои каракули,
А более стремленье – оставить всё
И птицей улететь
К родным краям, к отлогим берегам,
Что детством пахнут,
А не сновиденьем.*

*Пишу Тебе, надеясь на ответ,
Хотя давно мы потеряли нити,
Что связывали нас крепко много лет.
Так порваны они теперь чредой событий.*

*У Каина давно пустой, дрожащий вид:
Жить в городах, ютиться на квадратном метре.
Брать в жизни всё, забыв, что значит стыд,
Цивилизованно стеной при каждом ветре.*

*Как хорошо, что Ты остался на земле,
Пусть без дохода лишнего, но всё же.
Уж лучше быть в деревне на «нуле»,
Чем здесь в достатке – на зверьё похожим.*

*Как наш народ? Всё курит самосад?
Всё пьёт взасос, испытывая жизнь на прочность?
Как на пригорке дедом выращенный сад?
А ведь казалось – была жизни мощность.*

*Казалось – двигался сложнейший механизм,
Народ кормился приусадебным хозяйством.
И где-то там маячил коммунизм
С весьма умеренным на пару разгильдяйством.*

*Колхозы медленно и весело цвели,
Мужик хоть выпивал, но был при деле.
А бабы брали всё, что от земли,
И были с ней на «ты» в едином теле.*

*И все дела низались день за днём,
Когда пахать, когда косить росой,
Когда комбайну плыть густым жнивьем,
Когда уборка и когда застолье.*

*А что теперь? Ты помнишь мой приезд?
Кругом разруха с чёрными домами.
И как-то тяжело от этих мест,*

И я подумал – что же будет с нами?

*Когда земля пустыней зарастёт,
Прощая всем за всё, кто её бросил,
И что же будет делать наш народ,
Изъятый от полей, берёз и сосен?*

*Земля всё стерпит, даже всё простит.
И будет ждать свой час у переправы.
И будет рада, если навестит
Её приезжий житель для забавы.
Я заболтался, кончился листок,
Мне не с руки писать большие письма,
И как-то хочется теперь не думать впрок
О тайных замыслах и закулисье.*

*Прощай.
Судьба не благосклонна к нам.
Ты в дальней стороне
Который год хранишь молчанье.
Я ж здесь, на пыльных площадях, пытаюсь
Жить...*

22 ноября 2015 г.

**«Вот утро. Ярославль.
Мороз скрипучий...»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.